

пролетариатъ, литературный документъ, извѣстный подъ названіемъ «Credo» — этотъ первый бунтъ демократіи противъ марксизма, ея первая попытка себя отъ него эмансипировать.

✓ «Марксизмъ нетерпимый, марксизмъ отрицающій, марксизмъ примитивный... уступить мѣсто марксизму демократическому, а общественное положеніе партій въ нѣдрахъ современнаго общества должно рѣзко измѣниться. Партія признаетъ общество, ея узко-корпоративныя въ большинствѣ случаевъ, сектантскія задачи расширяются до задачъ общественныхъ и ея стремленія къ захвату власти преобразуются въ стремленія къ реформированію современнаго общества въ демократическомъ направленіи, приспособительно къ современному положенію вещей съ цѣлью наиболее удобной, наиболее полной защиты правъ (всяческихъ) трудящихся классовъ».

Вотъ прогнозъ — пожеланіе, дѣлавшееся Credo по отношенію къ международной социаль-демократіи; прогнозъ того же Credo по отношенію къ Россіи звучалъ еще болѣе рѣшительно.

✓ Развитие рабочаго движенія идетъ по линіи наименьшаго сопротивленія. Эта линія на Западѣ была направлена въ сторону политической дѣятельности. У насъ, наоборотъ, она «никогда» въ эту сторону «не будетъ направлена». Поэтому всѣ «разговоры о самостоятельной рабочей политической партіи суть не что иное, какъ продуктъ переноса чужихъ задачъ, чужихъ результатовъ на нашу почву». «Для русскихъ марксистовъ исходъ одинъ: участіе, т. е. помощь экономической борьбѣ пролетариата, и участіе въ либеральной оппозиціонной дѣятельности».

Передъ нами, такимъ образомъ, впервые выступаетъ несомнѣнное начало процесса ликвидаціи марксистскаго періода и впервые уже намѣчается линія, по которой пойдетъ дальнѣйшее развитіе буржуазно-демократическихъ идеологій. Русский пролетариатъ ведетъ только борьбу за частичныя улучшенія своего экономического положенія. Онъ неспособенъ къ образованію самостоятельной политической партіи, онъ, отнюдь, не является тѣмъ «всеобщимъ освободителемъ», какимъ его представляла увлеченная марксизмомъ демократія. Отсюда практический выводъ: старый марксизмъ излишенъ и вреденъ, его надо реформировать — говорило Credo. Его можно совсѣмъ упразднить, скажетъ скоро демократія. Но оба въ одинъ голосъ заявятъ о необходимости реабилитаціи потерявшаго, было, кредитъ либерально-оппозиціоннаго общества.

Такъ начинался переходъ къ новому, самому сложному и вмѣстѣ съ ходомъ событій все усложнявшемуся, третьему періоду въ развитіи предреволюціонной эпохи.

III. Отъ марксизма къ идеализму. Возрожденіе революц. народничества. Революціонный марксизмъ.

Хронологически мы опредѣлили бы этотъ переходъ, какъ приблизительно время съ 99 и по 1901 годъ, т. е. мы бы поставили его пограничными вѣхами волненія студентовъ 1899 года на одномъ его концѣ, и на другомъ — тотъ узелъ движеній различныхъ общественныхъ группъ, который получилъ свою завязку въ февральскіе и мартовскіе дни 1901 года.

Нельзя сказать, чтобы эти два года наполнены были какими либо крупными событиями общественно-политической жизни. За исключением забастовки студентов, этой первой засточки интеллигентски-демократической весны, передь нами продолжаеть тянуться, лишь слегка ускоряя свой темпъ, все та же прежняя политика правительственной реакціи, надвигааясь, правда, все ближе на послѣдніе остатки самостоятельности земствъ и проводя пресловутый законъ о предѣльности земскаго обложенія. Но дѣйствіе сверху еще не встрѣчаеть противодѣйствія снизу. Нѣтъ общественнаго движенія, нѣтъ организованныхъ партій. За годъ передь тѣмъ образовавшаяся Россійская социаль-демократическая рабочая партія своимъ призрачнымъ бытіемъ только подтверждаеть это общее положеніе, а стачечная борьба пролетаріата, еще такъ недавно находившаяся въ центрѣ вниманія, обрывается съ наступленіемъ промышленнаго кризиса.

И, однако, идеологически это двухлѣтіе является опредѣляющимъ для всего послѣдующаго предреволюціоннаго времени, ибо въ это двухлѣтіе намѣчаются основныя черты той дифференцировки идейныхъ теченій, которой въ позднѣйшіе годы кануна революціи уже соответствуеть обозначившаяся партійная дифференцировка различныхъ общественныхъ группъ.

Дифференцировка же идейныхъ теченій въ это двухлѣтіе протекаетъ цѣликомъ подь знакомъ нарастающаго самоопредѣленія демократіи, самоопредѣленія, приходящаго въ конфликтъ съ идейнымъ комплексомъ, извѣстнымъ подь именемъ легальнаго марксизма.

Если въ предшествующіе годы, при отсутствіи какихъ бы то ни было формъ для самостоятельнаго движенія демократіи, ея обращеніе къ марксизму было шагомъ впередь на пути ея радикализаціи, то теперь ея высвобожденіе изъ подь марксистской гегемоніи означало въ свою очередь дальнѣйшій этапъ въ ея самосознаніи и переходъ отъ неопредѣленнаго политическаго умонастроенія, съ надеждами, обращенными на пролетаріатъ, къ болѣе конкретнымъ попыткамъ группового коллективнаго дѣйствія. При этомъ обособленіе демократіи отъ марксизма происходило тѣмъ легче, что оживленіе демократіи совпало съ моментомъ видимаго затишья въ рабочемъ движеніи и оно становилось тѣмъ болѣе для нея настоятельнымъ, что передь русскимъ марксизмомъ все болѣе настойчиво подымались вопросы социалдемократическаго партійнаго строительства. Недаромъ, какъ мы уже отмѣтили—первый протестъ демократіи противъ марксизма былъ въ то же время также и протестомъ противъ образованія самостоятельной политической партіи пролетаріата.

Самостоятельная политическая партія пролетаріата, какъ и вся революціонно-соціалистическая сущность марксизма, съ точки зрѣнія демократіи, пришедшей къ сознанію своей политической дѣеспособности, стояла на пути тому непосредственному объединенію общественныхъ силъ, которое представлялось демократіи очередной задачей въ дѣлѣ политическаго освобожденія Россіи. Поэтому, ея первоначальныя усилія реформировать марксизмъ—а психологически она не въ состояніи была сразу его ликвидировать—были направлены на то, чтобы устранить изъ марксизма черты его революціонно-пролетарской исключительности, и изъ интернаціональнаго ученія, ставящаго процессу капитали-

стического развитія прогнозъ социалистической революціи, сдѣлать простое орудіе конституціоннаго движенія.

Понятно, что бернштейновская критика марксизма пришлась какъ нельзя болѣе ко времени этой русской демократіи и помогла ей доразвить до конца свои прежнія бернштейновскія положенія, до тѣхъ поръ представлявшіяся переходящей и несогласованной съ общимъ марксистскимъ міровозрѣніемъ буржуазно-демократической примѣсью къ нему. Но эта примѣсь оказалась существенной частью ея взглядовъ, частью, которая вскорѣ поглотила все цѣлое.

Струве по своему былъ правъ, когда въ статьѣ «Противъ ортодоксальной нетерпимости» (см. «Міръ Божій» 1901 г., мартъ) заявилъ, что «русское критическое движеніе въ марксизмѣ отличается отъ западно-европейскаго гораздо большей смѣлостью, рѣшительнo и безъ всякихъ примирительныхъ оговорокъ и недомолвокъ порывая съ тѣми положеніями марксизма, которые оказываются въ глазахъ представителей этого движенія несостоятельными». Онъ забылъ только при этомъ пояснить, что причина этой русской «смѣлости», столь отличной отъ германской нерѣшительности, заключалась не въ чемъ либо другомъ, какъ именно въ томъ, что нѣмецкіе сторонники Бернштейна въ своемъ огромномъ большинствѣ были—худо-ли, хорошо-ли—непосредственно связаны съ движеніемъ рабочаго класса, тогда какъ за русскими «критиками»-ревізіонистами стояла демократія, уходившая какъ разъ въ это время изъ-подъ вліянія пролетарскаго движенія. Потому-то она и могла съ такой несравненной быстротой пройти эту дистанцію огромнаго размѣра: длинный путь отъ марксизма, черезъ привалъ въ бернштейнство, къ идеалистическому обоснованію своего новаго, либерально-демократическаго, символа вѣры.

Еще въ началѣ 1899 года возникаютъ предпріятія, задающіяся цѣлью продолжить незаконченное дѣло погибшаго «Новаго Слова»; появляются журналы «Начало», подъ редакціей Струве и Туганъ-Барановскаго, и «Жизнь», подъ редакціей Поссе.

И, однако, не трудно замѣтить: идейно-политической спайки, которая соединяла разнородные элементы въ легальномъ марксизмѣ періода «Новаго Слова», въ этихъ журналахъ уже нѣтъ; нѣтъ прежняго дружнаго натиска противъ народничества, нѣтъ политическаго оптимизма, въ сочетаніи съ классовымъ анализомъ текущихъ явленій общественной жизни и выдвиганіемъ освободительной миссіи пролетаріата, накладывавшаго такую своеобразную печать на марксистскую публицистику того времени. И есть первоначально еще маскированная, а затѣмъ — и откровенная трещина въ литературѣ марксизма.

Такъ, въ 4 вышедшихъ книжкахъ «Начала» передъ нами калейдоскопически проходятъ: Туганъ-Барановскій съ его еще выдержанной въ прежнихъ тонахъ статьёй «Моимъ критикамъ», продолжающей споръ о числѣ фабрично-заводскихъ рабочихъ въ Россіи; Вл. Ильинъ, дающій ортодоксально-марксистскую картину «вытѣсненія барщиннаго хозяйства капиталистическимъ»; и рядомъ — Булгаковъ, въ статьѣ «Къ вопросу о капиталистической эволюціи земледѣлія», — считающій нужнымъ подвергнуть — по собственному его заявленію — «очень строгой критикѣ» Каутскаго за его книгу объ аграрномъ вопросѣ, и вмѣняющій Каутскому въ нарочитый упрекъ, что онъ «разрубаеъ Гордіевъ узелъ, ста-

новьясь спиной къ сельскому хозяйству, какъ представитель исключительныхъ интересовъ промышленнаго пролетаріата». Передъ нами «Журнальныя Замѣтки» А. П., пытающіяся возстановить революціонно-соціалистическую преемственность русскаго марксизма и направленные по существу прѣтивъ того анти-революціоннаго и анти-соціалистическаго бернштейнѣанскаго умонастроенія, которое, даже еще не найдя своего отраженія въ печати, дѣлало одно завоеваніе за другимъ въ рядахъ марксистской демократіи. И тутъ же такія работы П. Струве, какъ статья «Романтика прѣтивъ казенщины», уже нащупывающая идеологическое выраженіе для своего новаго умонастроенія. Передъ нами «соціологическій этюдъ» Н. Андреевича (Плеханова) объ искусствѣ и статья о Метерлинкѣ Зин. Венгеровой, одной изъ первыхъ провозвѣстницъ «модернистскихъ» настроеній въ современной литературѣ и, наконецъ, беллетристика Вересаева и беллетристика—Мережковскаго и Гиппіусъ.

Бернштейнѣанское линяніе марксизма въ средѣ демократической интеллигенціи, замѣтимъ къ слову, не даромъ совпадало съ прививкой къ извѣстнымъ элементамъ русской демократіи того психологическаго надлома, который принесла съ собою эта російская разновидность декадентскихъ теченій Европы. То, что недавно еще представлялось невозможнымъ, на чемъ потерпѣлъ неудачу «Сѣверный Вѣстникъ» Волинскаго, а именно—сочетаніе или по меньшей мѣрѣ сближеніе демократіи съ модернистскими въ литературѣ и съ идеалистическими въ философіи исканіями, стало возможнымъ только теперь и даже начало впервые входить въ обиходъ въ атмосферѣ буржуазно-демократической реакціи прѣтивъ гегемоніи марксизма.

Аналогичныя черты представляла и «Жизнь», въ которой романтика Горькаго, растрепанный *sui generis* марксизмъ Евг. Соловьева и безконечные споры марксистовъ Нежданова, Ильина, Изгоева о рынкахъ шли въ перемежку съ лишенными всякаго намека на марксизмъ статьями на внутреннеобозрѣвательныя темы А. Никонова, Д. Протопопова, Евг. Чирикова и др. и съ первыми открыто-ревизионистскими работами П. Струве.

Впрочемъ, атаку на марксизмъ—на экономическія основы ученія Маркса—повелъ еще раньше Туганъ-Барановскій, въ майской книжкѣ «Научнаго Обзорія (1899 г.), помѣстившій статью «Основная ошибка абстрактной теоріи капитализма Маркса». Въ ней онъ доказывалъ, еще стараясь условно «сохранить» трудовую теорію цѣнности, что «сокращеніе доли переменнаго капитала, замѣщеніе рабочаго машиной (при прочихъ равныхъ условіяхъ) совсѣмъ не отражается на нормѣ прибыли, что обычный здравый смыслъ и вульгарные экономисты безусловно правы, отрицая какое бы то ни было различіе въ смыслѣ созданія прибыли между орудіями труда и рабочей силой».

Гораздо рѣшительнѣе по тому же пути упраздненія экономической теоріи Маркса шелъ Струве, уже въ статьѣ «Прѣтивъ ортодоксіи» («Жизнь», окт. 1899 г.) заявившій о необходимости, «твердо удерживая соціологическую теорію прибавочнаго труда, отказаться отъ экономической теоріи прибавочной цѣнности и вообще критически пересмотрѣть всю экономическую теорію Маркса, какъ таковую»¹⁾. Къ этому «пересмотру» онъ и приступилъ въ ближайшихъ

¹⁾ Стр. 178.

книжкахъ того же журнала, въ статьяхъ «Основная антиномія теоріи трудовой цѣнности» и «Къ критикѣ нѣкоторыхъ основныхъ проблемъ и положеній политической экономіи» (см. «Жизнь», февр. и мартъ 1900 г.)¹⁾.

А параллельно и рука объ руку съ этимъ походомъ на экономическое ученіе Маркса шелъ походъ на марксизмъ, какъ на известную концепцію развитія современнаго общества и перехода этого общества отъ капиталистическаго къ социалистическому строю. Въ рецензіи на книги Бернштейна и Каутскаго и въ самостоятельномъ «критическомъ опытѣ» подъ названіемъ «Die Marx'sche Theorie der sozialen Entwicklung» въ Архивѣ Брауна Струве изложилъ свои новые взгляды.

По ряду вопросовъ примыкая къ Бернштейну, хотя и оспаривая убѣдительность той аргументаціи, которою Бернштейнъ обосновывалъ свои положенія, Струве дѣлалъ центральнымъ объектомъ своихъ нападеній представленіе о социальной революціи. По мнѣнію Струве, это представленіе стоитъ въ органической связи съ тѣми группами явленій, которыя у Маркса получали свое обобщенное выраженіе въ теоріи концентраціи и обобществленія производства, въ теоріи обнищанія и теоріи экспроприаціи мелкихъ капиталистовъ крупными и, наконецъ, въ теоріи социалистической миссіи пролетаріата, создаваемого развитіемъ капитализма и растущаго въ ходѣ этого развитія. Непрерывной цѣпью другъ съ другомъ связанныхъ звеньевъ идутъ—процессъ обнищанія народныхъ массъ, развитіе общественныхъ отношеній посредствомъ роста противорѣчій и, слѣдовательно, нарастающій конфликтъ между интересами буржуазіи и пролетаріата, находящій свое конечное разрѣшеніе въ столкновеніи общественныхъ силъ, въ социальной революціи, представляющей въ видѣ политическаго переворота, на основѣ котораго вырастаетъ диктатура пролетаріата. Тенденціи, въ свое время наблюденныя Марксомъ, были вѣрны, говорилъ Струве, они отвѣчали дѣйствительному развитію капиталистическаго общества въ первой половинѣ XIX-го вѣка, невѣрны были только тѣ социалистическіе выводы, которые изъ нихъ дѣлались Марксомъ. Такъ, между тенденціей обнищанія, съ одной стороны, и развитіемъ общества въ направленіи къ социалистическому строю, съ другой, существуетъ непримиримое противорѣчіе. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ, съ точки зрѣнія материалистическаго пониманія исторіи, пролетаріатъ обнищавымъ и въ то же время настолько социально-политически зрѣлымъ, чтобы онъ способенъ былъ къ осуществленію величайшаго въ мірѣ переворота.

Но, независимо отъ признанія несоответствующими болѣе дѣйствительному ходу развитія тѣхъ обобщеній, которыя Марксу служили предпосылками его концепціи социальной революціи, самое содержаніе понятія социальной революціи, какъ революціи политической, не реально, по мнѣнію Струве. Не реально, съ точки зрѣнія теоріи познанія, опирающейся на Канта, предполагаемый при этомъ скачекъ, нарушеніе той непрерывности измѣненій, которая есть необхо-

¹⁾ См. также Туганъ-Барановскій: „Трудов. цѣнность и прибав.“. „Научн. Обзор.“ Мартъ 1900 г.

димое условіе нашего познанія явленій. Чѣмъ сложнѣе социальное преобразованіе, тѣмъ труднѣе его себѣ представить въ формѣ «революціи». Преобразование капиталистическаго строя въ социалистическій мыслимо, поэтому, не какъ революціонное разрѣшеніе накопленныхъ противорѣчій, а какъ постепенное ихъ ослабленіе и устраненіе въ нѣдрахъ самого капиталистическаго общества, т. е. какъ социализированіе капитализма. Социализмъ же, противопологаемый капитализму, не болѣе, какъ мифъ, не имѣющій оправданія передъ лицомъ историческаго знанія и однако же являющійся необходимымъ въ интересахъ практической политики, необходимымъ для социалдемократическаго движенія, какъ предметъ религіознаго сознанія. Исчезни у социалдемократическаго движенія это представленіе о «конечной цѣли», съ нимъ вмѣстѣ исчезло бы и самое движеніе.

И почти одновременно съ этой архивной статьей П. Струве, Булгаковъ въ заключительной главѣ своего двухтомнаго труда «Капитализмъ и земледѣліе» (1900 г.), такъ сказать, съ другого конца, черезъ анализъ эволюціи земледѣлія, приходилъ къ тому же самому практическому выводу о «необходимости» «общаго воззрѣнія Маркса о развитіи капитализма, съ неотвратимой необходимостью ведущемъ къ коллективизму». «Единственное, что позволяютъ намъ утверждать данныя науки, это то, что настоящее экономическое развитіе ведетъ къ постепенному отмиранію самыхъ тяжелыхъ и грубыхъ формъ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, хотя и разными способами: въ промышленности—концентрируя производство и подвергая его все болѣе общественному контролю, въ земледѣліи—уничтожая крупное предпріятіе и ставя на его мѣсто крѣпкое крестьянское. Оба эти теченія объединяются въ мощномъ демократическомъ потоцѣ, который—можно сказать съ чувствомъ удовольствія—приноситъ новыя, лучшія, болѣе удовлетворяющія требованіямъ социальной справедливости, общественныя формы»¹⁾.

И въ 1899-мъ же году книга С. Прокоповича²⁾, одного изъ числа тѣхъ немногихъ бернштейнѣйцевъ въ Россіи, для которыхъ ревизионистская критика марксизма не оказалась кратковременной станціей на далекомъ пути къ идеализму, дала русской читающей публикѣ—въ соответственномъ освѣщеніи—первую фактическую исторію германской социаль-демократіи и начала германскаго ревизионизма.

Такимъ образомъ, приблизительно къ 1900 году ликвидація марксизма буржуазной демократіей была уже въ общихъ чертахъ закончена и путь расчищенъ для построенія новой идеологіи.

Но марксизмъ даже и въ своемъ «реформированномъ» видѣ оказался лишь преходящимъ моментомъ въ развитіи буржуазной демократіи. Она восприняла и использовала отдѣльныя положенія его критики, она съ его помощью раздѣлалась съ тѣмъ періодомъ гегемоніи марксизма, черезъ который прошла, но ревизионизмъ какъ система—если можно въ данномъ случаѣ говорить о системѣ,—ре-

¹⁾ Булгаковъ. Капитализмъ и землед. Томъ II-й. Заключение, глава IX, стр. 456.

²⁾ „Рабочее движеніе на западѣ“, томъ I. 1899 г.

визионизмъ, эта идеологическая форма сближенія рабочаго класса съ извѣстными элементами буржуазной демократіи, не удовлетворялъ по своему содержанию тѣмъ идейнымъ задачамъ и тому практическому движенію, которыя стояли передъ ней.

Борьба за политическое освобожденіе Россіи, какъ національная, всенародная задача, объединяющая общественные элементы и отодвигающая назадъ все то, что могло бы ихъ разъединять,—для этого нужна была не ревизионистская концепція смягченной и введенной въ границы борьбы между классами, а идеологія, рѣшительно и безповоротно разрывающая съ самимъ принципомъ классовой борьбы и съ тѣми теоретическими построеніями, которыя, какъ материализмъ, непосредственно съ нимъ ассоціировались. Мало того: для этого необходимъ былъ отказъ и отъ обще-позитивныхъ традицій, которыя, начиная съ эпохи 60-хъ годовъ, сплелись съ анти-капиталистическимъ и либерализму враждебнымъ умонастроеніемъ демократической интеллигенціи. Необходимъ былъ выходъ къ тѣмъ «вѣчнымъ» этическимъ «цѣностямъ», къ тѣмъ верховнымъ апелляціоннымъ инстанціямъ, передъ лицомъ которыхъ могли бы исчезнуть классовыя противорѣчія освободительнаго движенія и быть заложены основы—обновленнаго либерализма.

Старый либерализмъ, либерализмъ „Вѣстника Европы“, былъ слишкомъ эмпириченъ, слишкомъ приспособленъ къ исконнымъ условіямъ своего симбіоза съ ветхозавѣтнымъ русскимъ режимомъ, слишкомъ пассивенъ и расплывчатъ, понимаемый имъ же самимъ лишь какъ „совокупность“ такихъ „пожеланій“, какъ свобода совѣсти, личности, слова, чтобы быть способнымъ поднять на себя великое національное движеніе, предносившееся очамъ демократіи.

Потому-то демократія съ первыхъ же шаговъ своей общественной консолидации не только выполняла свою отрицательную миссію, ликвидируя марксизмъ, но и положительную—ища идеологическія формы, наиболее отвѣчающія ей политическому самоопредѣленію.

Еще въ статьѣ «Усложненіе жизни», которая служила тѣмъ-то вродѣ увертюры для «Сѣвернаго Курьера», начавшаго выходить (въ ноябрѣ 1899 г.) при ближайшемъ участіи въ редакціи бывшихъ сотрудниковъ марксистскаго журнала «Начало», передъ нами, какъ центръ происходящихъ въ жизни процессовъ, выдвигается уже не классъ-освободитель, къ которому неслись такъ недавно всѣ мечты демократіи, а «усложненная» въ «усложнившейся жизни» выпрямляющаяся «человѣческая личность», вступающая въ конфликтъ съ «упрощенными формами воздѣйствія»¹⁾. Въ слѣдующемъ году, въ статьѣ, помѣщенной въ журналѣ «Міръ Божій», Струве пытается материалисту Марксу противопоставить идеалиста и государственника Лассаля, «исполинская личность» котораго «также нуждалась въ метафизическомъ пламени, какъ, съ другой стороны, только въ такой личности этотъ пламень могъ адекватно выразиться». «Для созданія положительнаго міросозерцанія на новыхъ, болѣе широкихъ, т. е., въ сущности, на старыхъ идеалистическихъ основахъ», Струве призывалъ «дѣ-

¹⁾ „Сѣверн. Курьеръ“, 1-го ноября 1899 г.

лектических» и «иныхъ убѣжденныхъ» «материалистовъ» — «назадъ къ Лассалю!» «Это значитъ въ извѣстномъ смыслѣ: назадь къ Гегелю и — еще дальше и больше — къ Фихте. Но назадь не къ ихъ діалектикѣ, которую можно ставить «вверхъ ногами», которая можетъ быть сгибаема и на материалистическій, и на идеалистическій ладъ, а къ ихъ строгому и несгибаемому идеалистическому существу» ¹⁾. Такъ впервые самимъ Струве былъ констатированъ его переходъ отъ «критическаго позитивизма» къ «исповѣданію» «метафизическаго идеализма».

Почти одновременно выходитъ книга Бердяева «Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи» съ предисловіемъ Струве, въ которомъ говорится, что «въ предлагаемой книгѣ то практическое направленіе, появленіе котораго въ Россіи относится къ 90-мъ годамъ.... совершенно открыто и рѣшительно дѣлаетъ поворотъ къ философскому идеализму и вступаетъ, такимъ образомъ, въ союзъ съ духовными силами, которыя до сихъ поръ лишь по историческому недоразумѣнію считались ему враждебными. Этотъ поворотъ обозначился довольно давно, но въ книгѣ Н. А. Бердяева онъ впервые получаетъ болѣе или менѣе законченное и сосредоточенное выраженіе» ²⁾.

Такимъ образомъ, Струве вмѣстѣ съ Бердяевымъ, совершая свое передвиженіе къ идеализму, еще продолжаютъ въ то же самое время солидаризироваться съ тѣмъ «практическимъ направленіемъ», изъ котораго они оба вышли, надѣясь передвинуть и его; или, вѣрнѣе говоря, имъ кажется, что оно уже вмѣстѣ съ ними начинаетъ передвигаться въ желаемомъ ими направленіи. И они имѣютъ тѣмъ болѣе основаній за него держаться, что передъ ними еще нѣтъ отчетливо намѣченныхъ другихъ общественныхъ элементовъ, на которые они могли бы рассчитывать въ своемъ дальнѣйшемъ движеніи. Они на распутѣ, какъ и вся та буржуазная демократія, которая, уходя отъ самостоятельнаго движенія пролетаріата и консолидируясь, еще не успѣла наступать подъ ногами у себя новой твердой почвы.

Поэтому вся критика, направленная Бердяевымъ противъ Михайловскаго и вѣденная отъ имени марксизма, есть въ то же время и критика марксизма отъ лица идеалистической философіи, критика «ограниченности всякаго позитивизма вообще», и критика, якобы, утопій марксизма, съ которыми надо покончить «не только во имя усиленія нашего реализма, но, пожалуй, еще болѣе во имя усиленія нашего идеализма» ³⁾. Поэтому и у Струве признаніе «служенія» въ жизни интересамъ опредѣленнаго класса идетъ рядомъ съ борьбой противъ такъ называемой «классовой точки зрѣнія», какъ разновидности «субъективнаго метода въ социологіи» и «эвдемонистическая мораль» замѣщается концепціей «естественнаго права».

И таковы противорѣчія перехода: еще даже въ позднѣйшей статьѣ «Противъ ортодоксальной нетерпимости», Струве отвѣчаетъ своему «ортодоксальному критику», что, хотя союзъ его (Струве) и Туганъ-Барановскаго съ ортодоксаль-

¹⁾ Струве, „На разныя темы“, стр. 263 и 266.

²⁾ Н. Бердяевъ, „Субъект. и идеал. въ общ. фил.“ Пред. Струве, стр. 1—2.

³⁾ Бердяевъ, „Субъект. и индивидуализмъ въ общ. философіи“.

ными марксистами распался, но что все-таки критикъ напрасно торопится съ нимъ (со Струве) распрощаться. И имъ же одновременно въ рядѣ статей намѣчаются основные моменты либерально-демократическаго міровоззрѣнія. Такъ статья «Право и права», напечатанная въ «Правѣ» и приветствованная Арсеньевымъ на страницахъ «Вѣстника Европы», является какъ бы программнымъ заявленіемъ для той группы либеральныхъ юристовъ, среди которой оживленіе политической мысли все явственнѣе начинало сплетаться съ тенденціей въ реставрированной съ легкой руки Новгородцева теоріи естественнаго права найти опору своему либерализму.

«Въ сознаніи лучшихъ русскихъ людей и въ жизни нашихъ народныхъ массъ—пишетъ Струве—давно уже назрѣла сильнѣйшая потребность во всестороннемъ признаніи объективнымъ правомъ правъ человека, какъ такового. Это есть та великая идеальная и въ то же время реальная историческая задача, которая, наконецъ, послѣ долгихъ мытарствъ и колебаній русской общественной мысли, выкристаллизовалась, какъ неоспоримое общее достояніе, съ такою же ясностью, съ такими же рѣзкими, всѣми мыслящими людьми до боли ощутимыми границами, какъ вѣкогда идея освобожденія крестьянъ»¹⁾.

И эта же задача полемически очерчивается Струве въ ея несоотвѣтствіи той концепціи политическаго освобожденія Россіи, которая идею освобожденія связывала съ идеей освободителя-пролетаріата *par excellence*.

«На мой взглядъ—заявляетъ онъ теперь (см. статью «Памяти Шелгунова») — очередная историческая задача въ Россіи не такова, чтобы «аннибалова клятва» нашего времени была связана исключительно и даже преимущественно съ судьбами и интересами одного общественнаго класса, а прочіе классы были безсильны, индифферентны или враждебны по отношенію къ составляющей содержаніе этой клятвы задачѣ. Великая преобразовательная задача современности поставлена всей совокупностью жизненныхъ условий нашей страны и, въ качествѣ таковой, она господствуетъ надъ интересами всѣхъ жизнеспособныхъ классовъ Россіи, являясь условіемъ нашего дальнѣйшаго національнаго развитія. Отсюда—огромная роль интеллигенціи въ разрѣшеніи этой задачи»²⁾.

Мы видимъ, такимъ образомъ, одновременное выступленіе идеи великой исторической миссіи интеллигенціи, т. е. интеллигентной буржуазной демократіи, еще недавно квалифицированной, какъ *quantité négligeable*, и идеи національнаго развитія. Вмѣстѣ съ вопросомъ о всенародной политической задачѣ вопросъ о націи, національной культурѣ и «истинномъ націонализмѣ» становится однимъ изъ центральныхъ вопросовъ либеральнаго теченія. Недаромъ именно въ статьѣ «Въ чемъ же истинный націонализмъ», посвященной памяти Вл. Соловьева, Струве дѣлаетъ попытку обосновать либеральную доктрину.

Ученіе объ естественномъ правѣ—говоритъ Струве—«лежитъ въ основѣ всякаго истиннаго либерализма». «Естественное право есть не только идеальное или желаемое право, призываемое или идущее на смѣну дѣйствующаго или положительнаго права; оно есть право абсолютное, коренищееся въ этическомъ

¹⁾ См. «На равныя темы» стр. 524.

²⁾ Ibid, стр. 314.

понятіи личности и ея самоопредѣленія и служащее мѣриломъ для всякаго положительнаго права. Последнее своимъ согласіемъ съ абсолютнымъ правомъ должно доказать свою правомѣрность»... «Проблема либерализма—продолжается далѣе Струве—не исчерпывается вовсе вопросомъ объ организаціи власти, такимъ образомъ, она шире и глубже проблемы демократіи; демократія въ значительной мѣрѣ является лишь методомъ или средствомъ для рѣшенія проблемы либерализма». Исторически невѣрна «та весьма популярная и въ русскомъ обществѣ доктрина, согласно которой либерализмъ возникъ, какъ политическая система буржуазіи въ ея матеріальныхъ интересахъ. Согласно этой доктринѣ либерализмъ носить въ одно и то же время и «классовой» и «матеріальный характеръ». Наоборотъ, «либерализмъ—общенароднаго и идеальнаго происхожденія».

И какъ истинный либерализмъ выждется на признаніи естественныхъ правъ человѣка, такъ и истинный націонализмъ. «Уваженіе къ національному духу, какъ коллективному творческому процессу, какъ вѣчному «исканію», безусловно требуетъ признанія правъ человѣка». Национальная культура осуществляется «свободою и для свободы». Начало свободы, разъ оно вошло въ сознаніе, «приобрѣтаетъ для духа, его сознавашаго, абсолютное достоинство, ибо въ немъ выражается и даетъ о себѣ знать метафизическая природа человѣческаго духа, какъ вѣчной и самоопредѣляющейся субстанции. А такъ какъ понятіе объ этой метафизической природѣ образуетъ одну изъ основныхъ идей христіанства, то утвержденіе идеи свободы или автономіи личности въ области моральной и политической есть не что иное, какъ практическое раскрытіе христіанской идеи о человѣческомъ духѣ, раскрытіе не только важное, но и безусловно цѣнное съ точки зрѣнія религіи.... Не нужно страшиться такихъ сближеній земнаго и переходящаго съ Высшимъ и Вѣчнымъ; наоборотъ, слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы вскрыть связь между конечными требованіями реальной (земной) жизни съ высшими и вѣчными идеями религіознаго сознанія»¹⁾.

Такъ, въ результатѣ обоснованія либерализма естественнымъ правомъ передъ нами непосредственно встаетъ, какъ вѣнецъ процесса развитія отъ марксизма къ идеализму,—проблема религіознаго сознанія; проблема, получившая, однако, выраженіе гораздо болѣе полное и яркое, чѣмъ у Струве, въ писаніяхъ Бердяева и въ особенности Булгакова.

Бердяевъ, въ статьѣ «Борьба за идеализмъ»,²⁾ относящейся къ тому же 1901 году, привѣтствуетъ возрожденіе «несправедливо забытой теоріи естественнаго права»—этой «настоящей основы идеализма въ политикѣ», добавляя при этомъ: «но есть одна идея, въ которую упирается идеалистическій взглядъ на міръ и жизнь, это идея нравственнаго міропорядка. Если наука переходитъ въ философію, то философія переходитъ въ религію. Безъ религіознаго вѣры въ нравственный міропорядокъ, въ кровную связь индивидуальнаго съ всеобщимъ и неумиращающее значеніе всякаго нравственнаго усилія—жить не стоитъ, такъ какъ жизнь бессмысленна... пора признать, что религія, несмотря на тѣмучесть

1) Первоначально напечатано въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“. См. Сборн. „На разные темы“, стр. 538, 539, 541.

2) „Міръ Божій“, 1901 г. Іюнь.

своего содержания, есть вѣчная, трансцендентальная функція сознанія и что всякое цѣльное пониманіе и отношеніе къ міру есть религія. Величественный подъемъ духа и идеалистическій энтузіазмъ возможенъ лишь въ томъ случаѣ, если и чувствуемъ всѣмъ своимъ существомъ, что, служа человѣческому прогрессу въ его современной исторической формѣ, я служу вѣчной правдѣ, что мои усилія и мои труды безсмертны по своимъ результатамъ и учитываются въ міропорядкѣ».

И тогда же Булгаковъ въ своей публичной лекціи «Иванъ Карамазовъ, какъ философскій типъ», заговорилъ о богѣ и безсмертіи, какъ о вѣковѣчныхъ вопросахъ русской интеллигенціи, и объ атеистическомъ социализмѣ, какъ о «переходномъ міросозерцаніи», «предшествующемъ высшему синтезу», который «долженъ состоять въ сліяніи экономическихъ требованій социализма съ началами философскаго идеализма и оправданія первыхъ послѣдними»¹⁾. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что Булгаковъ, по его же собственному признанію, пришелъ къ религіозно-философскимъ исканіямъ, послѣ того какъ «утвердился въ своемъ убѣжденіи относительно невозможности научнаго прогноза въ социологіи» и съ тѣмъ вмѣстѣ утратилъ то «единство» «міровоззрѣнія и идеала», которое «прежде давалось марксизмомъ». Теперь социализмъ Булгакова не имѣлъ уже, конечно, ничего общаго съ классовымъ движеніемъ пролетаріата и его «конечной цѣлью». Рабочее движеніе, «въ своей практической программѣ» осуществляющее «освободительные постулаты философскаго идеализма», должно—заявляеть Булгаковъ — «и на своемъ теоретическомъ знамени выставить не экономическій матеріализмъ и классовый интересъ—это оно можетъ отлично оставить своимъ противникамъ,—а принципы идеализма, на которыхъ могутъ быть прочно и непререкаемо обоснованы его требованія». «Современная социальная борьба—говоритъ онъ далѣе—представляется не однимъ столкновеніемъ враждебныхъ интересовъ, а осуществленіемъ и развитіемъ нравственной идеи. И наше участіе въ ней будетъ мотивироваться не классовымъ эгоистическимъ интересомъ, а явится религіозной обязанностью, абсолютнымъ приказомъ естественнаго закона, велѣніемъ Бога²⁾».

Социализмъ Булгакова—не социализмъ, стоящій въ антагонизмѣ къ либерализму, а все та же социальная реформа либерализма, только расцвѣтшая всѣми красками идеалистической романтики. Поэтому, и для Булгакова «руководящимъ началомъ, которое дается философскимъ идеализмомъ и религіознымъ міропониманіемъ, какъ основа государственной, экономической и социальной политики», является «идея абсолютнаго достоинства личности», т. е. все тѣ же «естественныя и неотчуждаемыя права человѣка и гражданина», которыя фигурируютъ, какъ основной принципъ либеральной доктрины. И этого принципа—т. е. «идея свободы и правъ человѣческой личности»—замѣчаетъ Булгаковъ—«не много и не мало, а какъ разъ достаточно для обоснованія всѣхъ освободительныхъ стремленій нашего времени».

Нѣсколько позже и Струве въ статьѣ «Не въ очередь», въ 1-ой книжкѣ «Освобожденія», даетъ опредѣленіе своему отношенію къ социализму: «Извѣстное

¹⁾ См. С. Булгаковъ „Отъ марксизма къ идеализму“.

²⁾ С. Булгаковъ. Сборн. „Отъ марксизма къ идеализму“. Ст. „Основ. проблемы теоріи прогресса“, стр. 155.

опредѣленіе социализма: упраздненіе частной собственности на орудія и средства производства, или обобществленіе производства,—пишетъ онъ,—заключаетъ въ себѣ вовсе не идею социализма, которая тождественна съ идеей всесторонняго освобожденія личности, а даетъ лишь техническую, и потому вполнѣ условную (и для меня совсѣмъ не безспорную) формулу средствъ осуществленія социального идеала. Для социализма, какъ идеи освобожденія личности, безразлично, какимъ путемъ будетъ осуществлена эта цѣль. Социализмъ есть идея этическая, и социально-экономическія формулы социализма имѣютъ по отношенію къ этой идеѣ лишь служебное значеніе» (стр. 239).

И наконецъ въ той же книжкѣ «Освобожденія» въ статьѣ «Отцы и дѣти» Независимый, выступая съ возраженіями противъ теоріи классовой борьбы и сѣтуя въ то же время на разномыслія между «отцами»—либералами и «дѣтьми»—революціонной интеллигенціей, благодаря которому нѣтъ «сплоченнаго освободительнаго общественнаго мнѣнія и активнаго либеральнаго движенія»,—резюмируетъ общественно-политическую сторону идеалистическаго теченія слѣдующими словами: «философско-идеалистическое теченіе, начинающее распространяться среди молодежи, имѣетъ своею цѣлью отвлеченное моральное обоснованіе идеала свободы и указаніе на его великій вѣчный смыслъ, независимый отъ его служебнаго значенія для матеріальныхъ интересовъ народа. Въ этомъ послѣднемъ теченіи впервые въ Россіи создается социально-философская система, въ которой идея либерализма и политической свободы занимаетъ не побочное, а центральное мѣсто, и которой, поэтому, должно быть приписано весьма серьезное значеніе въ современномъ освободительномъ движеніи, ибо только она одна даетъ необходимое для молодыхъ умовъ отвлеченное обоснованіе либерализма и дѣлаетъ его религіозной вѣрой» (стр. 12).

Мы сослались сейчасъ на нѣсколько статей, выходящихъ изъ рамокъ разбираемаго нами двухлѣтья, какъ регистрируемъ теперь же и самъ *standart-work* идеалистовъ, ихъ коллективный трудъ «Проблемы идеализма», появившійся въ концѣ 1902 г. и сгруппировавшій вокругъ себя, кромѣ Бердяева и Булгакова, еще и рядъ лицъ, съ одной стороны такихъ, какъ Б. Кистяковский и С. Франкъ, которые прошли черезъ школу ревизионизма, и съ другой—такихъ исконныхъ идеалистовъ, какъ кн. С. и Е. Трубецкіе или инициаторъ реставраціи теоріи естественнаго права, П. Новгородцевъ. Мы дѣлаемъ это съ тѣмъ, чтобы уже болѣе не возвращаться къ этимъ работамъ. Ибо, если отдѣльныя положенія идеализма и получили въ нихъ дальнѣйшее развитіе и обоснованіе, то во всякомъ случаѣ основныя общественно-политическія черты интересующаго насъ идейнаго движенія уже съ достаточной ясностью намѣтились въ использованныхъ нами статьяхъ еще прежде, чѣмъ двухлѣтне идейнаго перелома успѣло смѣниться послѣдующими годами оживленной партійно-политической жизни.

Сводя во-едино свои впечатлѣнія, мы скажемъ: передъ нами попытка демократіи въ импульсивномъ движеніи отъ марксизма къ идеализму найти исходъ изъ того внутренне-противорѣчиваго положенія, въ которое ее поставилъ процессъ ея собственнаго самоопредѣленія. Какъ только демократія почувствовала себя освобожденной отъ гипноза пролетарской гегемоніи, такъ тотчасъ же, вмѣстѣ съ непосредственнымъ ощущеніемъ своей принадлежности къ буржуазному

цѣлому, ощутила и свою «интеллигентность», т. е. несвязанность съ широкими слоями населенія, еще продолжавшаго оставаться въ состояніи политической аморфности. И съ тѣмъ вмѣстѣ передъ нею во весь ростъ вставала опять проблема политическаго освобожденія Россіи, которая такъ недавно еще благополучно, казалось, разрѣшалась поступательнымъ движеніемъ пролетаріата; но вставала уже, какъ проблема въѣклассоваго или общеклассоваго политическаго дѣйствія.

При инертности, однако, крестьянства, которое въ концѣ 90-хъ и началѣ 900-хъ годовъ не принималось, какъ далѣе увидимъ, въ расчетъ даже и многими соц.-революціонерами первой формаци; при рабочемъ движеніи, уже связанномъ традиціей съ социалдемократическимъ движеніемъ революціонной интеллигенці,—такая постановка проблемы демократіей означала фактически союзъ ея съ тѣми элементами имущаго общества, которые какъ разъ вгонялись въ то время въ оппозицію тогдашней политикой правительства.

Фактически уже съ 80-хъ годовъ наблюдается сближеніе извѣстныхъ слоевъ демократической интеллигенціи съ земствомъ и весь первый періодъ предреволюціоннаго времени, какъ мы старались показать, идеологически непосредственно связанъ съ процессомъ этого сближенія. Гегемонія марксизма надъ частью буржуазно-демократическихъ элементовъ клиномъ вошла въ этотъ процессъ, на время оттѣснивъ было, по крайней мѣрѣ, для части демократіи, тягу къ культурно-либеральному землевладѣнію идейной тягой къ пролетаріату и тѣмъ создавая расщепленіе въ рядахъ самой демократіи. Теперь эта многолѣтняя тяга быстро принимала политическія формы, но съ тѣмъ вмѣстѣ выступала и вся трудность идеологическаго выраженія и теоретическаго оправданія совершившагося поворота демократіи. Прежде лицомъ обращенная къ народнымъ писамъ, она теперь, пройдя школу марксизма и стоя передъ фактомъ идущаго впередъ самостоятельнаго движенія пролетаріата, тѣмъ не менѣе строила свои конституціонныя планы на содѣйствіи имущихъ верховъ. Ясно, такимъ образомъ, какую огромную работу принужденъ былъ произвести идеализмъ, санкціонируя этотъ поворотъ, какъ необходимое звено въ процессѣ политическаго освобожденія Россіи, и почему онъ такъ много былъ занятъ полемически марксизмомъ и его «классовой точкой зрѣнія».

Небесныя сферы идеализма преслѣдовали чисто земныя задачи—идеологически перекинуть мостъ черезъ пропасть, отдѣляющую верхи отъ низовъ въ томъ обществѣ, которое было уже разъединено своими классовыми противорѣчіями. Для этого процессъ ликвидаціи стараго порядка получалъ недостающую ему цѣльность въ концепціи національнаго развитія, для этого абстрактная «человѣческая личность» идеалистовъ служила сосредоточеннымъ отраженіемъ политической цѣли, общей всѣмъ «жизнеспособнымъ классамъ Россіи», и для этого «самоопредѣляющаяся субстанція человѣческаго духа» съ ея естественными и неотчуждаемыми правами, одной своей стороною упираясь въ религію, другой — являлась «абсолютной» основой либерализма. Либерализмъ, до тѣхъ поръ лишенный доктрины, своимъ политическимъ безсиліемъ дискредитированный въ широкихъ кругахъ демократіи, получалъ свое вторичное крещеніе въ «метафизическомъ пламени» идеализма. Такъ сказать, черезъ голову исторіи онъ становился всеобъемлющимъ ученіемъ, для котораго социализмъ есть лишь

спорная частность, болѣе или менѣе утопическая картина грядущаго, но для котораго дѣйствительно реальной помѣхой представляется классовое ученіе пролетаріата.

«Религіозная вѣра» либерализма должна была собою замѣнить ту — по терминологіи Струве — религіозную вѣру социалдемократіи, которая своимъ обаяніемъ еще такъ недавно держала въ плѣну значительные круги демократической интеллигенціи. Въ соотвѣтствіи поднимающейся волнѣ настроенія, въ предвидѣніи громадности задачи, которую предстояло разрѣшить освободительному движенію Россіи, демократія нуждалась въ идеологіи, въ которой извѣстная абстрактно-теоретическая ширь, радикализмъ, приподнятость формы сочетались бы съ «стрезвенно-реалистическимъ» содержаніемъ, которому отвѣчало ея новое движеніе вправо. Отсюда попытки идеалистовъ историческому матеріализму социалдемократіи противопоставить новое ученіе съ его «свободнымъ творчествомъ» идеаловъ, болѣе широкихъ и глубокихъ, чѣмъ псевдо-научные шаблоны ортодоксіи». Отсюда обращеніе Струве къ Лассалю и Фихте противъ Маркса и его заирденіе о «практической нетерпимости», какъ необходимомъ лозунгѣ политической работы въ Россіи; отсюда — отрещиваніе Бердяева, Булгакова и Струве отъ «филистерства» Бернштейна, филистерства, несовмѣстимаго съ ихъ «критической реабилитацией» утопизма; отсюда желаніе Независимаго видѣть въ освободительной борьбѣ пролетаріата въ Россіи «скорѣе идейное», чѣмъ «классовое движеніе», и та ярость, съ которою идеализмъ (въ лицѣ, наприм., Бердяева) устремлялся на западно-европейское рабочее движеніе, пытаясь въ глазахъ русской революціонно-настроенной интеллигенціи дискредитировать «мѣшанство» его практики и неизменность его идеаловъ. Отсюда же — отъ имени автономной человѣческой личности — этого палладиума буржуазной демократіи — провозглашенная Струве декларация, столь же ярко отразившая въ себѣ канунъ революціи, какъ лозунгъ того же Струве «Великая Россія» позднѣе отразилъ въ себѣ день, слѣдующій за ея (революціи) пораженіемъ: «Вездѣ она (т. е. свобода лица) отрицаетъ власть или авторитетъ, какъ таковой, противопоставляемый человѣческой личности, какъ нѣчто обязательное, помимо ея свободнаго признанія. Для нея нѣтъ Бога-Власти и Бога-Хозяина, для нея нѣтъ Закона-Власти, Закона-Повелителя, для нея нѣтъ Государства-Власти, Государства-Господина. Бога свободный человѣкъ самъ себѣ отыскиваетъ, онъ ему не покоряется, онъ его любитъ. Правственный законъ свободный человѣкъ самъ себѣ творитъ и ему свободно слѣдуетъ. Государство свободный человѣкъ самъ себѣ строитъ и имъ живетъ, не поступааясь собою»¹⁾.

И отсюда же, за этимъ идеалистическимъ пафосомъ таящееся, — по крайней мѣрѣ, до поры до времени, — отсутствіе программы экономическихъ реформъ, изъ боязни «экономикой» разрушить единство «политики», и, какъ мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, необычайная скромность тѣхъ политическихъ требованій, съ которыми эта часть демократіи выступала на арену партійно-политической жизни.

Періодъ разложенія марксизма для буржуазной демократіи былъ законченъ, начинался періодъ либерально-партійнаго строительства.

¹⁾ Ст. Струве „Не въ очередь“. Книга I. „Освобожденіе“ (1903 г.).

Но между тѣмъ какъ часть буржуазно-демократической интеллигенции, прошедшая черезъ марксизмъ, съ чрезвычайной быстротой эволюционировала къ «идеалистическому» либерализму, на развалинахъ легальнаго марксизма, въ промежуткѣ тѣхъ же двухъ лѣтъ и подѣ дѣйствіемъ того же толчка, исходившаго отъ политическаго броженія интеллигенции, въ несомнѣнной также большей или меньшей зависимости отъ измѣненій, внесенныхъ въ движеніе рабочаго класса промышленнымъ кризисомъ, выступаютъ и начинаютъ консолидироваться два идейныхъ теченія: революціонно-марксистское, освобожденное отъ своихъ прежнихъ буржуазно-демократическихъ спутниковъ, и революціонно-народническое, возрожденное въ своей политической формѣ—видоизмѣненнаго народо-вольчества.

Достаточно бѣгло взглянуть на подцензурную журналистику этихъ двухъ лѣтъ, чтобы сразу оцѣнить всю значительность происшедшей перемѣны. Если часть—теперь уже бывшихъ—марксистовъ, совершая свою эволюцію къ идеализму, отъ полемики съ народничествомъ постепенно перешла цѣлкомъ, какъ мы уже видѣли, къ борьбѣ съ революціоннымъ марксизмомъ и выработкѣ основъ либерально-идеалистической системы, то революціонные марксисты въ это же время исчезли изъ легальной литературы почти безъ остатка, потому что должны были исчезнуть. Они не имѣли простора, по условіямъ тогдашней печати, даже и для защиты своихъ теоретическихъ позицій, тѣмъ болѣе для выясненія того общественно-политическаго содержанія своихъ взглядовъ, центръ тяжести котораго все болѣе перемѣщался къ вопросамъ практическаго движенія социалдемократіи ¹⁾.

И въ то же самое время начиналось большое оживленіе среди представителей лѣваго «политическаго» крыла народничества, представителей, группировавшихся вокругъ редакціи «Русскаго Богатства». Именно къ двухлѣтію разложенія легальнаго марксизма относится наиболѣе блестящая пора въ существованіи этого органа покойнаго Михайловскаго. Ни раньше, когда онъ представлялъ, какъ мы уже видѣли, лишь разновидность либеральнаго народничества, съ наклономъ къ революціонному конституціонализму, ни въ эпоху расцвѣта легальнаго марксизма, ни позже, когда нервъ публицистики перешелъ въ подполье и партійно-политическая жизнь революціоннаго народничества отражалась на страницахъ «Революціоннаго Россіи» и летучихъ листовъ, никогда «Русское Богатство» не представляло собою таковой мобилизаціи силъ, какъ въ этотъ переходный моментъ. Вокругъ Михайловскаго и со второй половины 90-хъ годовъ участвовавшихъ въ „Русскомъ Богатствѣ“ Короленки и Анненскаго со-

¹⁾ Изъ числа немногихъ проявленій защиты марксизма въ подцензурной печати этого времени отмѣтимъ ст. Карелина (В. И. Засуличъ): „Замѣтки читателя по поводу упраздненія г.г. Туганъ-Барановскимъ и Струве ученія Маркса о прибыли“ („Научн. Обзор“, окт. и ноябрь 1900 г.); статьи въ защиту теоріи трудовой стоимости Нежданова, Богданова, Маслова; замѣтку Маслова въ „Научномъ Обзорѣ“—„Негодныя средства;“ полемическія „Письма въ редакцію“ по поводу эволюціи Струве—Ю. Адамовича („Жизнь“, янв. 1901 г.) и Ф. Берсенева („Рус. Мысль“, 1901 г....).

бираются частью молодые сотрудники, какъ Пѣшеховъ, Микотинъ, Черновъ, частью прежніе дѣятели движенія, какъ Гриневичъ (П. Я.) и Подарскій. Производится спѣшная работа пересмотра народнической аргументаціи по аграрному вопросу; дѣлаются попытки социологическихъ построений, и В. Черновъ, систематизируя взгляды Михайловскаго, старается связать ихъ съ эмпириокритическимъ теченіемъ въ философіи.

И по всей линіи ведется атака на марксизмъ. Статьи Пѣшехова «Крестьяне и рабочіе въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ» (еще въ 98 г.), В. Чернова («Типы капиталистической и аграрной эволюціи») и нѣкоторыя другія устанавливаютъ мнимую тождественность интересовъ рабочихъ и крестьянства, какъ представителей однихъ и тѣхъ же трудовыхъ идеаловъ, и въ то же время (какъ, напр., работа Чернова) подкрѣпляютъ свою народническую концепцію аграрной эволюціи ссылками на новѣйшую литературу бернштейнства. И одновременно же идетъ полнымъ ходомъ полемика противъ историческаго матеріализма, задающаяся цѣлью противъ его «экономической» односторонности отстоять и «интеллектуальный факторъ», т. е. интеллигенцію и ея значеніе въ историческомъ процессѣ вообще, тѣмъ самымъ отстаивая въ частности ея возможное значеніе въ историческихъ судьбахъ Россіи. Устами Михайловскаго, Подарскаго и иныхъ публицистика Русскаго Богатства торжествуетъ побѣду надъ легальнымъ марксизмомъ или, вѣрнѣе, надъ тѣмъ пустымъ мѣстомъ, которое къ тому времени отъ него оставалось—за уходомъ однихъ, за проваломъ въ подполье другихъ, и которое было представлено главнымъ образомъ такими сомнительными защитниками марксистскаго міровоззрѣнія, какъ Евг. Соловьевъ въ «Жизни» и Анг. Богдановичъ въ «Мірѣ Божьемъ».

И однако, это уже не прежнее «народничество» 90-хъ годовъ и не прежнее «Русское Богатство», а народничество новое, которому приходилось учитывать факты литературы и жизни, внесенные въ русскую дѣйствительность предыдущимъ періодомъ; народничество, стоявшее передъ реальностью развивающагося капитализма и растущаго рабочаго движенія.

«Допускаемъ охотно, писалъ Короленко ¹⁾, что по разнымъ условіямъ данной эпохи, раздумье русскаго мыслящаго человѣка (надъ возможностью избѣжать капитализма. А. П.) продолжалось, быть можетъ, нѣсколько дольше, чѣмъ бы слѣдовало, и если бы оно продлилось еще—мыслящій русскій человѣкъ рисковалъ, пожалуй, обратиться въ соляной столбъ на распутьѣ русскаго прогресса». И дальше: «капитализмъ пришелъ—значитъ, звать его уже поздно. Онъ уже дѣйствуетъ, а во многихъ мѣстахъ даже властвуетъ, значитъ, незачѣмъ его защищать ²⁾».

При данныхъ условіяхъ естественно было, что старый вопросъ о развитіи капитализма въ Россіи для народниковъ сдвигался все больше на вопросъ о различіи въ характерѣ эволюціи промышленности и земледѣлія, и все больше сближался съ постановкой этой темы въ Германіи Давидомъ, Герцомъ и другими нѣмецкими ревизионистами. И также естественно было и то, что—уже нами

¹⁾ См. Рус. Бог. 1899 г. ноябрь, ст. «О сложности жизни», стр. 189.

²⁾ Ibid. ст. 190.

отмѣченный—тезисъ о тождественности рабочихъ и крестьянскихъ интересовъ становился теперь—съ развитіемъ пролетарскаго движенія—такимъ же существенно необходимымъ элементомъ концепціи народниковъ, какъ иѣкогда тезисъ о социалистическихъ особенностяхъ русскаго крестьянства.

Уступая давленію момента, народничество вынуждено было начинать приспосабливаніе своихъ взглядовъ къ измѣнившимся условіямъ и въ лицѣ, напр., В. Чернова дѣлать характерное признаніе, еще недавно невозможное для народника,—признаніе, что капитализмъ заключаетъ въ самомъ себѣ не одиѣ разрушительныя, но и созидательныя силы ¹⁾.

Но разъ перейдя демаркаціонную линію признанія наличности капиталистическаго развитія и «созидательныхъ силъ» этого развитія въ лицѣ пролетарскаго движенія, народничество тѣмъ самымъ, при сохраненіи своей общей концепціи крестьянства и интеллигенціи, становилось на ту почву, на которой уже всюду въ Европѣ стоялъ такъ называемый ревизионизмъ. Для него, какъ и для ревизионизма существующій, общественный строй заключалъ въ себѣ въ зачаточной формѣ элементы социализма, этотъ строй, социализируясь, постепенно превращался въ свою противоположность, минуя тотъ критическій пунктъ—соціальную революцію, который составлялъ характерную черту во взглядахъ социаль-демократіи. И, дѣйствительно, въ рядѣ статей народничество заявляетъ о своей близости къ ревизионизму и спѣшитъ приветствовать его первые шаги въ теоріи и на практикѣ. Достаточно напомнить сочувственной отзывъ В. Чернова объ извѣстной книгѣ Бернштейна, въ особенности о той ея части, которая трактуетъ вопросы практической политики ²⁾, или не менѣ знаменательныя слова Короленко, которыми онъ, одобряя министерскій экспериментъ Милльерана, ставилъ общій вопросъ о необходимости «программъ» «терять цѣлостность», «обнаряжаться», «пріодѣваясь въ мундиръ данной минуты» ³⁾.

Но если эта готовность къ «самообнаряванію» являлась существенной частью наслѣдства отъ эры либеральнаго народничества, если въ «Русскомъ Богатствѣ» еще слышится приветствіе Южакова ⁴⁾ созданной по почину Россіи мирной конференціи въ Гаагѣ, или рекомендація Михайловскаго «среднему челоуѣку» изъ интеллигенціи заняться культурной работой и не соваться въ нелегальное политическое дѣло или иные, подобные приведеннымъ, мотивы, то въ немъ слышится, однако, и иѣчто другое. Слышится хотя слабый, по условіямъ цензуры, но отзвукъ процесса нарастающаго групповаго самосознанія интеллигенціи. Если этотъ процессъ привелъ демократію въ одной ея части къ либерализму, то въ другой—далъ различныя сочетанія интеллигентскаго революціонизма, и ему радикальное народничество обязано было своимъ воскресеніемъ именно тогда, когда народничество 80-хъ и начала 90-хъ годовъ, народничество

¹⁾ Русск. Богат. 1900, кн. IV, ст. В. Чернова „Типы капит. и аграрной эволюціи“, стр. 140.

²⁾ „Русск. Богат.“ октябрь 1899 г. В. Ч. „Замѣтка“.

³⁾ „Р. Б.“ ноябрь 1899 г., ст. Вл. Короленко, „О сложности жизни“, стр. 198.

⁴⁾ См. Южак. „Политика“ Русск. Богат., авг. 1899 г. стр. 160.

Абрамова, Кривенка и В. В., теряло послѣдніе остатки своего самостоятельнаго существованія ¹⁾.

Какъ увидимъ сейчасъ, въ это двухлѣтіе перелома интеллигентскій революціонизмъ народничества нашелъ свое идеологическое выраженіе въ видѣ направленія социалистовъ-революціонеровъ. И этотъ-то революціонизмъ самоопредѣлившись, какъ авангардъ освободительнаго движенія, интеллигенціи, какъ и вообще атмосфера начинавшагося предреволюціоннаго броженія Россіи, не давали возможности «самообкарнанію» народничества развиться дальше въ систему, не позволяли народничеству довести до логическаго конца предпосылки его концепцій, роднившія его съ оппортунистическимъ социализмомъ всѣхъ странъ.

Отсюда и вытекала та раздвоенность сознанія, та двойственность положенія, которая заставляла народничество, съ одной стороны, сочувствовать «критическому направленію въ марксизмъ», и съ другой—пугаться его выводовъ. Такъ, напр., Подарскій высказывалъ «страстное желаніе» «оставить всякіе не только прямые, но и косвенные споры съ людьми, въ родѣ г. Струве или г. Бердяева, съ которыми есть нѣкоторые общіе и далеко не второстепенные пункты социальнаго міровоззрѣнія» и въ то же время скорбѣлъ объ ихъ склонности въ «гашишу метафизики» и о развиваемой ими «въ духѣ буржуазныхъ апологетовъ» теоріи «незамѣтной и безпрепятственной эволюціи» ²⁾. Такъ, В. Черновъ, при всей его «симпатіи» къ ревизионизму въ марксизмъ, «безсильно разводилъ руками» передъ вопросомъ: «кто лучше? кто ближе къ намъ по воззрѣніямъ? Лафаргъ ли, съ его доктринерской послѣдовательностью отрицающей и кооперативное и синдикальное движеніе, и роль интеллигенціи и т. д., но за то, по крайней мѣрѣ, человекъ строгаго принципа, человекъ идеи; или г.г. «экономисты», которые готовы похоронить ортодоксію, готовы сдѣлать множество уступокъ, признать и общину, и артель, и деревню, и крестьянство, но за то тутъ же обольютъ это такимъ соусомъ оппортунизма и «философіи малыхъ дѣлъ», что, пожалуй, согласишься отдать назадъ всѣ уступки, всѣ ихъ признанія» ³⁾. Такъ, наконецъ,—иронія судьбы—народническое «Русское Богатство» увидѣло себя въ необходимости стать на защиту теоріи трудовой стоимости Маркса—впрочемъ, всегда раздѣлявшейся народничествомъ—противъ нападеній на нее бывшихъ русскихъ марксистовъ.

А тѣмъ временемъ, пока на страницахъ подцензурной журналистики велся этотъ споръ двухъ душъ въ единой груди народничества, происходило первое выступленіе въ литературѣ подполья только что начавшихъ еще соединяться въ разрозненныя группы социалистовъ-революціонеровъ. Еще въ 1898 году появляется въ Россіи программная брошюра «Наши Задачи», въ 1900 году выходитъ 1-й № «Революціонной Россіи», а также выпущенный одной группой «Мани-

¹⁾ Ихъ послѣдней попыткой выступленія самостоятельной группой мы считаемъ газету «Сынъ Отечества». Характерно, что съ 1900 г. В. В. уже хоронитъ себя на страницахъ того «Вѣстника Европы», съ которымъ онъ когда то такъ много сражался.

²⁾ Русск. Богат., 1901 г. кн. VII Подарскій «Наша текущая жизнь», стр. 64.

³⁾ Русск. Богат., 1900 г. кн. XI ст. В. Чернова «Типы капит. и аграр. эвол.», стр. 246.

фестъ партіи». И одновременно же за границей оживляется дѣятельность Аграрно-Соціалистической Лиги, выходитъ брошюра «Очередный вопросъ» и подъ редакціей Тарасова въ 1901 году 1-ый № «Вѣстника русской революціи».

Къ концу 1901 года сплоченіе с. р.—овъ заканчивается образованіемъ партіи и появленіемъ регулярно выходящей за границей партійной литературы.

О чемъ же, спрашивается, въ этотъ переходный, подготовительный къ организованной партійно-политической жизни, моментъ говорила свободная печать народничества: съ чѣмъ она пришла и на что рассчитывала?

Передъ нами еще несомнѣнная разногласица несбѣвшихся отдѣльныхъ кружковъ, хаосъ, изъ котораго не успѣло откristаллизоваться единообразное «общественное мнѣніе» революціоннаго народничества. Присматриваясь ближе, мы можемъ намѣтить, однако, основные мотивы въ этомъ идейномъ его выступленіи. Въ немъ прежде всего даетъ себя знать процессъ того растущаго самосознанія революціонной интеллигенціи, которое проектируется идеологически въ формулѣ «Нашихъ Задачъ»: интеллигенція—авангардъ революціи. «Мы обращаемъ,—заявляетъ съ своей стороны «Вѣстникъ русской революціи» въ статьѣ перваго № «Наша программа»,—особенное вниманіе на организацію умственнаго пролетаріата, являющагося... промежуточнымъ слоемъ между буржуазной и рабочей интеллигенціей».

Въ атмосферѣ антагонистическаго отношенія къ идеямъ марксизма, интеллигенція начинаетъ себя сознавать, какъ самостоятельное политическое цѣлое, и однако, несмотря на это, она уже не можетъ себѣ мыслить политическаго обновленія Россіи безъ пролетаріата, какъ революціоннаго «народа» *par excellence*. Такъ, въ «Нашихъ Задачахъ», городской фабричный пролетаріатъ крупныхъ промышленныхъ центровъ рассматривается, какъ та именно «армія», которая, «предводительствуемая соціалистической интеллигенціей», «подниметь движеніе и явится выразителемъ воли всей трудящейся массы фабричнаго люда и крестьянства».

И, наконецъ, эта интеллигенція, въ своемъ преобладающемъ большинствѣ, при всемъ народническомъ характерѣ своей концепціи развитія крестьянскаго хозяйства, для ближайшаго, по крайней мѣрѣ, момента ничего отъ крестьянства не ждетъ. «Систематическую дѣятельность среди крестьянства мы оставляемъ на будущее, не отказываясь лишь пользоваться всѣми удобными поводами для ознакомленія крестьянъ съ своей программой и привлеченія сознательныхъ сторонниковъ изъ наиболее развитой его части»—заявляютъ «Наша Задача». А «Вѣстникъ рус. револ.» считаетъ въ числѣ «политическихъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ «Народной Волей»—отрицательный взглядъ на деревню, какъ на исходную точку демократическаго переворота, какъ на инициативную силу революціи». Инициативною же силой, по его мнѣнію, являются только—интеллигенція и рабочіе городовъ.

Такимъ образомъ, въ этотъ начальный періодъ развитія воскресшаго революціоннаго народничества, крестьянскій вопросъ не «очередной вопросъ» практической дѣятельности; онъ выступаетъ таковымъ лишь въ немногихъ произведеніяхъ заграничной «Аграрно-Соціалистической Лиги»,—а въ общемъ и цѣломъ остается теоретической схемой, намѣчаемой въ духѣ той «аграрной

эволюции», которая популяризировалась на страницах легального «Русского Богатства» в статьях Чернова, Пившихонова и других.

Центральный же нерв идейного движения народничества проходит не здесь, онъ находится въ сферѣ процесса революціонизированія интеллигенціи и воздѣйствія ея на начавшееся рабочее движеніе. И до тѣхъ поръ, пока этотъ процессъ еще не принялъ своей специфически-интеллигентской формы—не окрасился въ террористическіе тона, какъ въ 1901 и еще болѣе въ 1902 г., и не далъ еще, какъ въ эти годы, новой вспышки массоваго движенія интеллигенціи, въ видѣ забастовокъ студенчества и демонстраціонной волны, до тѣхъ поръ онъ волеи-неволеи идеологически отражался въ различныхъ промежуточныхъ вариантахъ, начиная отъ точки зрѣнія, приближающейся къ взглядамъ революціонной социалдемократіи, и кончая точесіи зрѣнія политическаго радикализма въ его безпримѣсной формѣ. Или, конкретно говоря, отъ «Манифеста партіи», въ свое время привѣтствованнаго Плехановымъ за его социалдемократическій характеръ, и до 1-го № «Революціонной Россіи»,—тогда еще выходившей въ Россіи въ качествѣ органа союза социалистовъ-революціонеровъ,— номера, въ которомъ въ заявленіи отъ редакціи говорилось: «Политическая свобода—свобода слова, собраній, союзовъ, участія въ законодательствѣ и управленіи страны—вотъ лозунгъ нашихъ дней, вотъ та ближайшая цѣль, которая, силою окружающихъ условій, отодвигаетъ на задній планъ рѣшеніе основныхъ вопросовъ переустройства нашей общественной жизни, дѣлаетъ его пока неосуществимымъ». И далѣе: «Мы глубоко убѣждены, что, только идя на встрѣчу назрѣвшей потребности, выдвигая на первый планъ задачу политическаго освобожденія, русскіе революціонеры-социалисты могутъ рассчитывать на успѣшность своей работы и на приближеніе своего конечнаго идеала».

Какъ видимъ: здѣсь нѣтъ идеи освободителя-пролетаріата, но еще нѣтъ въ то же время и идеи террора и того утопизма въ постановкѣ политической задачи, который былъ характеренъ какъ для старой Народной Воли, такъ окажется не менѣе характернымъ и для позднѣйшаго періода въ развитіи революціоннаго народничества.

Потому-то, считаясь съ этими фактами тогдашней идейной эволюціи народничества, какъ съ симптоматическими, Группа Освобожденія Труда и считала возможнымъ въ объявленіи о возобновленіи своей дѣятельности въ 1899 г. сдѣлать знаменательное заявленіе о томъ, что «въ настоящій моментъ социал-демократическая пресса обязана выдвигать и подчеркивать тѣ стороны и тѣ практическія стремленія, которыя общи нашему движенію и революціонному народничеству».

Мы переходимъ, такимъ образомъ, къ идейному движенію революціоннаго марксизма. Уже самая возможность приведеннаго нами сейчасъ заявленія указывала на глубину происшедшаго перелома, по всю значительность различія между недавней эрой господства идейнаго комплекса, названнаго нами марксизмомъ 90-хъ годовъ, и настоящимъ моментомъ его разложенія. А моментъ былъ таковъ, что среди идейныхъ перегруппировокъ разсматриваемаго нами двухлѣтія, рядомъ съ формирующимся «идеалистическимъ» либерализмомъ и революціоннымъ народничествомъ, все сильнѣе выдвигалась та часть револю-

ционной интеллигенции, которая, будучи непосредственно связана практической работой с движением рабочего класса, в процессе своего сплочения и попыток создания самостоятельной политической партии пролетариата, выдвигала идеи революционного марксизма.

Революционный марксизм в России становился из лабораторного продукта прежних лет, из неотделившейся части так называемого легального марксизма, идеологическим выражением процесса консолидации русской социал-демократии. Этим и объясняется та смѣная задача, стоявших перед марксизмом, которая давала себя знать с такой рѣзкостью в этот момент перехода. Так еще недавно вопрос о развитии капитализма в России был актуальным политическим вопросом марксизма и, напр., еще в 1898 г. «Русская фабрика» Тугань-Барановского создавала вокруг себя атмосферу внимания, теперь же, в 1899—1900 гг., аналогичные темы, даже «Развитие капитализма в России» Ильина, проходили, не возбуждая реплик и представляясь почти академическими. И наоборот, вопросы практического движения, в период легального марксизма сводившиеся чуть ли не к одной элементарной проблеме агитации и затѣненные основным моментом борьбы марксизма с народничеством, стали теперь тем фокусом, к которому тайно или явно тяготѣли все споры, который стоял за очередными вопросами—объ «экономизмъ» и «бернштейнианствѣ».

И вмѣстѣ съ темъ усложнялась практика движения, вопрос о партии становился центральным и еще в 1897—98 гг. оказавшаяся не ко времени работа П. Б. Аксельрода, «Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ социаль-демократовъ», сдѣлалась в известномъ смыслѣ отправным пунктомъ для революционно-марксистскаго движения. Недаромъ первый же протестъ в России противъ намъ уже известнаго *Credo* опирался на тѣ двѣ знаменитыя перспективы, которыя ставилъ Аксельродъ, какъ неизбежную дилемму для рабочего движения в России.

«Рабочее движение—писалъ Аксельродъ—не выходитъ изъ тѣснаго русла чисто-экономическихъ столкновений рабочихъ съ предпринимателями и само по себѣ, въ цѣломъ, лишено политическаго характера. Въ борьбѣ же за политическую свободу, передовые слои пролетариата идутъ за революционными кружками и фракціями изъ такъ называемой интеллигенціи... Другая перспектива—социалдемократія организуетъ русскій пролетариатъ въ самостоятельную политическую партию, борющуюся за свободу частью рядомъ и въ союзѣ съ буржуазными революционными фракціями (поскольку таковыя будутъ въ наличности), частью же привлекая прямо въ ряды или увлекая за собой наиболее народолюбивые элементы изъ интеллигенціи». («Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ социальдемократовъ». Женева, 1897 г. стр. 19—20). Теперь дилемма Аксельрода, изъ перспективной дали переходя въ текущую дѣйствительность, становилась реальностью, воплощалась въ борьбѣ революціоннаго марксизма съ экономизмомъ и бернштейнианствомъ.

«Объявленіе о возобновленіи дѣятельности Группы Освобожденія труда» именно такъ и понимало очередную задачу революціоннаго русскаго марксизма. Оно отмѣчало, что «представители узкаго и грубаго экономизма въ нашемъ

движеніи ищутъ себѣ поддержки на Западѣ, въ воззрѣніяхъ тѣхъ «критиковъ» марксизма, знаменосцемъ и глашатаемъ которыхъ выступилъ Бернштейнъ»; оно указывало на эволюцію въ самомъ «экономизмѣ»: «первоначально воззрѣнія представителей антиполитическаго направленія въ нашемъ движеніи—говорило оно—въ очень существенныхъ пунктахъ прямо противоположны были воззрѣніямъ бернштейнианства. Но нашлись мудрецы, которые ухитрились образовать изъ тѣхъ и другихъ своеобразную идейную смѣсь и сдѣлать изъ нея теоретическую основу для принципиальной борьбы противъ стремленій, направленныхъ къ организаціи самостоятельнаго политическаго движенія среди русскихъ рабочихъ. Вражда къ этимъ стремленіямъ мотивируется уже не временными тактическими или просто примитивно-педагогическими соображеніями, а принципиальными, въ силу которыхъ сама идея организаціи самостоятельной рабочей политической партіи является не чѣмъ инымъ, какъ зловредной утопией и продуктомъ переноса чужихъ задачъ, чужихъ результатовъ на нашу почву». И далѣе, цитируя Credo, «Объявленіе» констатировало, что «русская социалдемократія—если слѣдовать Credo—должна отказаться отъ всякихъ революціонныхъ помысловъ и дѣйствій и завершить свое кратковременное существованіе такимъ же образомъ, какъ и народничество, именно: превратиться въ партію мирныхъ конституціоналистовъ, живущихъ и дѣйствующихъ въ порахъ либеральнаго «общества». Но народничество можетъ указать на славныя традиціи своего революціоннаго прошлаго... русская же социалдемократія, всего только безъ году недѣлю выступившая, какъ практическая активная боевая сила на историческое поприще, произнесла бы смертный приговоръ и надъ своимъ кратковременнымъ прошлымъ, и надъ своимъ будущимъ, если бы она по совѣту своихъ мнимыхъ друзей отказалась отъ преслѣдованія революціонныхъ задачъ»...

И конечный выводъ отсюда: «борьба съ ними (т. е. съ русскими бернштейнианцами) это—борьба за существованіе социалдемократіи въ современной Россіи».

Линія движенія русскаго революціоннаго марксизма была, такимъ образомъ, намѣчена; открывалась кампанія *противъ* «экономизма» и бернштейнианства и одновременно за реализацію той партіи, номинальное существованіе которой ведетъ свое начало со времени съѣзда 1898 г. и опубликованнаго имъ манифеста.

«Опасность» угрожаетъ социалдемократіи «изнутри» — говорила декларация группы. Но если отъ этой декларации мы обратимся къ литературѣ двухлѣтія, то мы сразу окажемся въ томъ своеобразномъ положеніи, въ которомъ очутился Плехановъ, когда захотѣлъ документально изобразить «экономизмъ».

Правда, литература «критики марксизма» была чрезвычайно обширна, мы касались ея, говоря объ эволюціи демократіи «отъ марксизма къ идеализму», но это была литература демократической ликвидаціи социалдемократіи, литература съ чрезвычайной поспѣшностью приспособлявшаяся къ своему новому политическому «курсу». Литература же «экономизма» настолько отсутствовала, что это отсутствіе и заставило въ то время Плеханова, выпуская свой полемическій памфлетъ противъ редакціи «Рабочаго Дѣла» — «Vademecum» — оперировать съ

неопубликованными документами и заявлениями социалдемократовъ «экономистовъ».

Какъ известное умонастроение «экономизмъ» былъ разлитъ въ жизни, въ практикѣ социалдемократическихъ организаций; онъ по частямъ просачивался въ литературу, онъ проникъ между прочимъ и въ «Рабочее Дѣло», съ 99-го года начавшаго выходить взамѣнъ прежняго «Работника» (въ редакціи котораго участвовала Гр. Осв. тр.), но нигдѣ «экономизмъ» не получилъ законченнаго выраженія, идеологической разработки,—если не считать неоднократно уже нами упоминавшагося буржуазно-демократическаго *Credo*, политическіе выводы котораго заставляли отъ него отрекаться «экономистовъ», да еще нѣкоторыхъ статей въ Петербургской «Рабочей Мысли», въ особенности же ея «отдѣльнаго приложения», вышедшаго осенью 99 года (къ слову сказать, со статьей, написанной для «Рабочей Мысли» Эд. Бернштейномъ).

Дѣло въ томъ, что экономизмъ былъ умонастроениемъ, которое вышло изъ комбинаціи условій, получившей возможность просуществовать лишь короткое время и исчезнувшей прежде, чѣмъ этой комбинаціей рожденное умонастроение успѣло откристаллизироваться въ опредѣленную идеологическую форму. Какъ мы уже говорили, стачечная борьба пролетаріата оборвалась съ наступленіемъ промышленнаго кризиса, а въ средѣ самыхъ разныхъ слоевъ демократической интеллигенціи ускореннымъ темпомъ шелъ процессъ ихъ революціонизированія, процессъ, который даже Бердяева и Струве задѣлывалъ рикошетомъ, заставляя отмежевываться отъ «филистерства» Бернштейна ради правъ «утопизма». Тѣмъ болѣе долженъ былъ обнаружиться этотъ процессъ въ средѣ той интеллигенціи, которая продолжала быть связанной съ движеніемъ рабочаго класса. Какъ мы еще увидимъ, что дальше, то больше, изъ кругозора этой интеллигенціи «политика» вытѣсняла «экономику», вопросъ о политическомъ освобожденіи Россіи заслонялъ собою обслуживаніе повседневныхъ экономическихъ нуждъ пролетаріата, все болѣе представлялось завѣдомо ни съ чѣмъ несообразной недавняя концепція экономизма, говорившая о возможности улучшенія положенія рабочаго класса въ рамкахъ существующаго политическаго строя, о преждевременности политической борьбы, а выпады «Раб. Мысли» противъ интеллигенціи и ея «революціоннаго нигилизма» только дискредитировали ихъ авторовъ. Къ моменту начавшагося процесса сплоченія революціонно-марксистской интеллигенціи отъ «экономизма» оставались одни лишь обрывки—теорія стадій Раб. Дѣла, непосредственно примыкавшая къ вопросамъ агитационной педагогики, да индифферентизмъ къ социалдемократической догмѣ и расположеніе къ «критикѣ», во имя текущихъ интересовъ движенія.

Такимъ образомъ, экономизмъ уже былъ наполовину отжившимъ явленіемъ къ тому времени, когда процессъ сплоченія революціонно-марксистской интеллигенціи выдвинулъ «Искру» и съ нею вмѣстѣ вопросъ—организационно-партийный. Осенью 1900 года появляется объявленіе объ изданіи «Искры», съ уже намѣтившейся организационно-политической линіей и въ декабрь того же года первый номеръ газеты. Весной 1901 г. выходитъ № 1 «Зари». Но эта дѣятельность, начало которой еще падаетъ, правда, на конецъ 1900 года, по существу уже выходитъ изъ предѣловъ переходнаго двухлѣтія. Съ нею мы окончательно входимъ въ послѣдній, партийно-политическій періодъ предреволюціонной эпохи.